

С тех пор как Янь Цзин попал в плен, он не покидал пределов военного лагеря государства Юй.

Впрочем, зная характер Янь Цзина, разве мог он сидеть смирно и вести себя тихо?

Вот и сегодня, едва рассвело, он вместе с Ю Ю приступил к осуществлению плана побега.

— Ваше Высочество, мы всё-таки не в государстве Янь. Может, сменим одежду на что-то менее приметное? Этот ваш наряд слишком уж бросается в глаза, — предложила Ю Ю. Она опасалась, что в таком ярко-красном одеянии их схватят и вернут под замок, не успеют они даже покинуть палатку.

Янь Цзин не видел в этом никакой проблемы и лишь спросил:

— Скажи, что красивее: моё лицо или мой наряд?

Ю Ю, не желая перечить, покорно ответила:

— Конечно, лицо Вашего Высочества.

— Вот именно. Пока при мне моё лицо, никто и не заметит, во что я одет, — Янь Цзин продолжил украшать себя золотыми цепочками и нефритовыми подвесками.

Логика была, хоть и сомнительная, но для Ю Ю — в самый раз. Поразмыслив мгновение, она просияла:

— Ваше Высочество, как вы мудры!

— Ты тоже умна, Ю Ю. Даже слишком. И как ты собираешься жить с таким умом? — Янь Цзин вздохнул, искренне восхищаясь её сообразительностью.

Ю Ю смущенно улыбнулась:

— Я самая обычная, вы мне льстите.

Янь Цзин проглотил пилюлю, а Ю Ю нахмурилась:

— Ваше Высочество, мне помнится, вы её только что принимали.

— Только что хвалил тебя за ум, а ты уже забыла, пил я лекарство или нет, — он спрятал фарфоровый пузырек и сунул его в руки Ю Ю. — Носи с собой.

Ю Ю почесала затылок, бормоча про себя: Неужели ошиблась?

Не может быть, она же своими глазами видела, как он только что проглотил две круглые пилюли. Неужели она и правда ошиблась? Ю Ю погрузилась в сомнения: то ей казалось, что он уже принял лекарство, то под влиянием Янь Цзина начинала думать, что нет.

— Пошли, по дороге подумаешь, — Янь Цзин отряхнул полы одежды и не спеша зашагал к выходу.

Стражники, как обычно, преградили им путь.

— У Его Высочества приказ: без вызова...

Янь Цзин перебил их, договорив за них:

— ...из лагеря не выходить. Знаю, знаю, у меня уже уши от этих слов вянут. Я и не говорю, что собираюсь уходить. Я пришел подарить вам кое-что особенное, приготовленное при дворе государства Янь. В знак благодарности за то, что охраняли меня. Хотите? — он поднял сжатый кулак и помахал им перед носом стражников.

Те дружно покачали головами и решительно отказались:

— Не хотим. Нам наши товарищи на днях строго наказали: байкам наследного принца Янь верить нельзя.

Янь Цзин не унимался:

— А вы не задумывались, почему они так говорят?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Да потому, что эта вещь бесценна, во всех семи государствах люди мечтают её заполучить, но не могут. Вот они и хотят монополизировать сокровище, чтобы взвинтить цену. Вы бы видели, как они дрались между собой, когда я им это предлагал!

— Именно, именно! Дрались так, что не разнять было, — поддакнула Ю Ю.

Стражники остались непоколебимы:

— Благодарим, Ваше Высочество, возвращайтесь назад.

— Ц-ц, как жаль, — Янь Цзин притворно вздохнул, а затем, улучив момент, когда стражники потеряли бдительность, взмахнул рукой. Облако белого порошка окутало их лица, и, вдохнув его, солдаты один за другим повалились на землю.

Янь Цзин отряхнул руки:

— Если я решил что-то подарить, никто не смеет отказаться.

Это был особый снотворный порошок из императорской аптеки Янь, вызывающий сон на сутки, после которого человек забывал всё, что произошло перед потерей сознания. Поскольку снадобье было уникальным, оно ходило только среди членов императорской семьи, так что Янь Цзин не солгал: вещь была действительно бесценной.

— Ваше Высочество, вы как всегда хитры, — Ю Ю прикрыла нос и рот рукой, её голос звучал глухо.

Янь Цзин убрал её руку:

— Убери ладонь.

— Не могу, я же усну... Ой! Точно! Я же приняла противоядие! — наконец вспомнила Ю Ю, что час назад Янь Цзин уже дал ей лекарство.

— Вы с сестрой близнецы, но, похоже, когда вы были еще в утробе, Цзоцзо выманила у тебя вторую половину мозга.

— Нет, что вы! Сестра никогда меня не обманывала, только вы, Ваше Высочество, вечно меня дурите.

Янь Цзин споткнулся. Ну надо же, какую правду выложила!

Выбравшись из лагеря, он почувствовал, как на душе стало легко. Он глубоко вдохнул:

— Свобода — это прекрасно.

Ю Ю настороженно огляделась:

— Ваше Высочество, куда мы теперь?

Янь Цзин сорвал розовый полевой цветок и повертел его в пальцах:

— Не знаю.

— О... что? — Ю Ю была в шоке. — Не знаете? Тогда зачем мы вообще выбрались?

— Ради свободы. — Янь Цзин приколот цветок к волосам Ю Ю, и она коснулась лепестков.

— Тебе идет этот розовый цвет, — похвалил он.

— Правда? Благодарю, Ваше Высочество. — Ю Ю не успела даже покраснеть, как следующие слова Янь Цзина сделали цветок невыносимо жгучим.

— Двадцать лянов.

— Что?

— Этот цветок стоит двадцать лянов, — он протянул руку за деньгами.

Ю Ю сорвала цветок и швырнула его обратно.

— Ты его уже надела, возврат я не принимаю. Двадцать лянов вычту из твоего жалованья в следующем месяце.

Ю Ю фыркнула:

— Я так и знала! Разве у вас есть время, чтобы просто так дарить мне цветы?

Они вскочили на коней, которых заранее подготовила для них Цзоцзо, и помчались прочь. В лесу эхом отдавался стук копыт, а свежий ветер приятно охлаждал лицо.

— Ваше Высочество, берегите себя!

Янь Цзин рассмеялся:

— Не волнуйся, мне сейчас лучше, чем когда-либо!

Одною рукой он держал поводья, в глазах светилась юношеская удаль.

Шангуань Тин был занят военными делами, время от времени отвлекаясь на проделки Янь Цзина. В последние дни он редко мог позволить себе такую сосредоточенность, и Шан Цянь тоже наслаждался спокойствием. Но чем тише становится вокруг, тем опаснее ситуация.

Рука Шангуань Тина, державшая кисть, внезапно дрогнула, и клякса чернил испортила бумагу. Он решил отложить работу и дать глазам отдохнуть.

Шан Цянь тут же подал ему чай:

— Ваше Высочество, выпейте воды.

— Тот человек еще не вставал? — спросил Шангуань Тин, отпив чаю.

— Стража докладывает, что принц сегодня проснулся рано, но, видимо, снова решил поспать, — ответил Шан Цянь.

— Сходи проверь лично, чтобы ничего не случилось, — приказал Шангуань Тин.

Тот факт, что вчерашний бунтарь вдруг притих, вызывал подозрения.

— Слушаюсь.

Едва Шан Цянь вышел из шатра, как столкнулся с бегущим солдатом. Придержав его, он нахмурился:

— Что за суета? Если потревожишь Его Высочество, не сносить тебе головы.

Солдат, задыхаясь от быстрого бега, пробормотал:

— Господин... Шан... принц Янь... он...

— Что он? — сердце Шан Цяня сжалось.

— Он... он сбежал!

Всё пропало. Перед глазами Шан Цяня потемнело, словно наступила ночь. Оказалось, что это рухнул его мир. И правда, пока этот предок здесь, никакого покоя не будет.

Почувствовав холодок за спиной, он обернулся и увидел Шангуань Тина.

— Ваше Высочество.

Тот сохранял полное спокойствие:

— Седлай коня.

Шан Цянь и солдат проводили его взглядом.

— Господин Шан, — прошептал солдат, — что с нами будет, если мы не найдем принца?

Шан Цянь похлопал его по плечу с выражением глубокого сострадания:

— Береги себя. А пока Его Высочество не вернулся, иди получи наказание.

Солдат ударил себя по щекам, проклиная: Зачем только рот открыл!

Оставив лошадей в конюшне на постоялом дворе в городе Наньцзян, Янь Цзин и Ю Ю решили прогуляться по городу, который был тесно связан с историей его родины.

— Ваше Высочество, смотрите, какая жирная курица, да еще и с цветными перьями! — Ю Ю с восторгом указала на бамбуковую клетку у торгового лотка.

Янь Цзин присмотрелся:

— Если сварить из неё суп, будет вкусно.

Ю Ю не согласилась:

— Такая жирная? В супе будет слишком много масла, лучше зажарить.

Она любила курицу, но не любила суп.

— Жарить — это расточительство, лучше суп.

— Суп — вот расточительство, эта птица создана для того, чтобы стать жарким.

Пока они спорили, торговец вмешался:

— Господин, госпожа, простите, что встречаю, но это не куры. Это птицы, их не едят.

— Не едят? А зачем они тогда нужны? — искренне удивилась Ю Ю. Тратить деньги на птицу, которую нельзя съесть, было для неё верхом неразумности.

— Их называют Цайи. Мясо у них жесткое и кислое, но характер кроткий, а перья яркие, поэтому их держат для красоты, — торговец достал одну из птиц, которая ласково потерлась головой о его шею.

— Цвета радуги, летают парой... Красивое имя.

— В Наньцзяне их называют живыми красными нитями судьбы, — продолжал торговец. — Цайи живут парами, и если птицы выберут друг друга, их не разлучить. А если не приглянутся — насильно не заставишь. Если попытаться свести их силой, они погибнут. Влюбленные или молодожены в нашем городе любят покупать пару таких птиц, чтобы просить о счастье и согласии.

Птица, сидевшая на руке торговца, склонила голову, уставилась на Янь Цзина, тихонько пискнула и вспорхнула, усевшись ему на грудь.

— Ваше... господин.

Ю Ю попыталась прогнать птицу, но та возмущенно зачирикала и прижалась к Янь Цзину, устраиваясь поудобнее.

Янь Цзин погладил её, и птица довольно вытянула шею.

— Пойдешь со мной?

Птица, словно всё понимая, кивнула и издала звук.

— Видимо, у неё с вами связь, — заметил торговец.

Янь Цзин вернул птицу к клетке, но она тут же перелетела обратно к нему на грудь и замерла.

— Вкусы у тебя высокие, — он погладил перья на хвосте птицы. — Самец или самка?

— Самец, — ответил торговец. — Он не хочет выбирать, видимо, время ещё не пришло. А когда придет, вы его ни за что не удержите.

Ю Ю с тоской смотрела, как Янь Цзин платит деньги:

— Такая дорогая птица! Когда нас с сестрой продавали работоторговцам, мы стоили вдвое меньше.

— Держи крепче.

Янь Цзин сунул ей птицу, и Ю Ю застыла, боясь пошевелиться.

Какая маленькая, легкая и теплая.

Птичка была размером с две ладони, казалась круглой, но на самом деле это были лишь пышные перья.

— Держи аккуратно, если уронишь или поранишь — вычту из жалованья, — понизил голос Янь Цзин.

— Слушаюсь, господин, — Ю Ю стиснула зубы.

— Нет ничего важнее еды.

Янь Цзин зашагал вперед, Ю Ю — следом.

— У меня нет денег.

— Вычту из жалованья.

— Скупердй, — надулась Ю Ю.

— Обсуждаешь меня за спиной? Вычитаю.

— Я ничего не говорила, вы ослышались.

— Лжешь? Вычитаю.

— Да есть ли хоть что-то, за что не вычитают?!

В толпе этот яркий всплеск красного цвета был подобен солнцу в зимний день. Не обжигающему, как летний зной, но способному растопить лед и согреть душу.